

04.06.2003

Рос. Вест. - 2003. - 4 июня. - с. 4

ПУШКИН ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

**СЕРГЕЮ БЕЗРУКОВУ НЕ НРАВИТСЯ,
КОГДА К ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ ОТНОСЯТСЯ КАК К МОНУМЕНТУ**

Накануне пушкинского праздника корреспондент «РВ» побеседовал с одним из самых популярных актеров России - Сергеем Безруковым. О его спектакле о Пушкине, который артист создал вместе со своим отцом, Виталием Безруковым. Беседа состоялась незадолго до начала очередного «Александра Пушкина» на Ермоловской сцене.

- Сергей, как вы рискнули взяться за Пушкина? Ведь для множества людей это самое дорогое, самое святое. Многие считают, что Пушкин - это что-то вроде самой дорогой музейной реликвии. На нее можно благоговейно смотреть, но ни в коем случае нельзя трогать.

- В этом и есть и искренность, и любовь к Пушкину - с великой любовью оживить светлый образ. Здесь была идея оживить не памятник, а человека. Великого гения, но прежде всего человека. Потому что, как только мы начинаем относиться к нему как к бронзе, уходит живое. Нам в детстве вдалбливают отношение как к памятнику, а уходит живость восприятия. Поэтому нам с отцом хотелось уйти от памятника и приблизиться к человеку. Ведь по любви к жизни вряд ли мы можем сравниться с Пушкиным. Каконжил, если к тридцати годам сказал, что осень жизни наступает. Какая же у него была молодость! Может быть, предчувствовал, что сгорит слишком рано. Во всех его произведениях кипит жизнь. Для него можно подобрать какие угодно эпитеты - и горящий, и бешеный, и страстный. Если хотите, это наш с отцом подвиг - во времена, когда Пушкина прочно заковали в монумент и собственность на этот монумент принадлежит только пушкинистам, мы пытаемся оживить его, что вроде бы сейчас не принято, ибо в современном театре побеждает условность. На сцене отец хотел представить классический спектакль в классических реальных декорациях, без какого-то так принятого сегодня новаторства. Нам с отцом близка режиссура Георгия Александровича Товстоногова. Недаром я, к примеру, добивался, чтобы в сцене Михайловского - встречи с Пуцциным - от картошки на столе шел настоящий пар. Мне это важно, потому что здесь - тоже та самая жизнь. Это не натурализм, это жизнь, которая, к сожалению, постепенно уходит со сцены. Нам же захотелось ее вернуть. И еще - обратите внимание - Пушкин никогда не теряет чувства собственного достоинства. Это для нас с отцом было очень важно, особенно сегодня, при всех современных разнузданных взглядах на жизнь, при современной желтой прессе, при том, что журналисты ряда изданий любят покопаться в грязном белье. Да вы посмотрите на любой ларек - вы просто придете в ужас от того, какие издания и с какими обложками там продают. Мы ведь тоже могли взять многие известные и не всегда, к сожалению, лицемерные факты из жизни Пушкина - там было все, из песни слов не выкинешь, но есть одно очень важное «но»: на сцене гений, на сцене великий Пушкин. Он герой. Он живой, он обаятельный, они кутят с Пуцциным, он темпераментный, искушаемый, но ни в одной из этих сцен не теряет своего достоинства. В пьесе есть все - и публичный дом, к примеру, и некоторые другие откровенные и спорные с точки зрения истории сцены, но нигде Пушкин не теряет достоинства. Нигде. Всегда и везде он - положительный герой.

- Скажите, а как ваш отец пришел крещению написать эту пьесу? И как вы пришли к Пушкину?

- Наверное, еще задолго до того, как я сыграл Есенина в Ермоловском театре. Но я сыграл Пушкина еще много лет назад, в школе, в моей родной 402-й школе. По-моему, это был 1985 год. В актовом зале шел вечер, посвященный жизни и смерти поэта. Там я играл Пушкина, и было мне двенадцать лет. В литературном монтаже я читал стихи и играл сцены из жизни поэта. Тогда же я отвечал на вопрос царя:

«Где бы ты был, Пушкин, окажись ты 14 декабря на Сенатской площади?». Горюно, кстати, отметило тогда меня за чтение стихов. Все стихи меня учил читать мой отец. В этом детском спектакле была и сцена дуэли - смешная и наивная, где выстрел озвучивался ударом подноса о сцену. В 12 лет на сцене актового зала я впервые умирал и произносил: «Жизнь кончена». А через пять лет, на втором курсе актерского факультета Школы-студии МХАТ у Олега Павловича Табакова, у меня был небольшой отрывок с Натали Гончаровой, и этот отрывок опять же помог сделать мой отец. Натали играла моя сокурсница Маша Порошина. Боли и пасквили, были стихи на французском, была сцена выяснения с Натали, но все уже в гриме Пушкина. Сами понимаете, что уже тогда я пытался приблизить пушкинскую эпоху. Перстень Пушкина отец мне сделал сам, из латуни. Отец - великолепный мастер, кроме того, что он еще актер, режиссер и драматург. А дедушка с бабушкой из деревни прислали гусиные перья. В то время мне было 17, сейчас мне 29, и я играю с тем же отцовским перстнем на большом пальце - так, как носил Александр Сергеевич.

- Вы играете Пушкина - человека страсти, человека, который все время на пределе. А в то же время в его стихах многие ищут и находят гармонию. Не кажется ли вам, что это тоже надо было добавить в рисунок роли?

- Гармония - это то, что есть глубоко в душе каждого. Пушкин стремился к гармонии, но настолько он был увлечен страстями, что именно в них находил ту самую гармонию. Гармонию страстей. Сейчас я побывал в Бессарабии, буквально вчера я прилетел оттуда. Я был в Кишиневе, был

в его домике, был в Долне и остался под огромным впечатлением от той удивительной атмосферы, которая царит в этих местах.

- Готовясь к роли, вы, естественно, очень много прочли воспоминаний и другой литературы...

- Безусловно. Отец, само собой, проштудировал практически все материалы. И к написанию пьесы готовился целый год. Да, у нас свой Пушкин, но и у каждого пушкиниста Пушкин тоже свой. И каждый, естественно, отстаивает свою точку зрения. Тем не менее мы делаем общее дело, и слава Богу. На спектакль ходит молодежь, зал забит битком, и после этого наши юные сограждане снова открывают Пушкина. Они начинают читать его. В этом наша с отцом победа. Жизнь Пушкина, к которой они прикоснутся, сам Александр Сергеевич, живой и непосредственный, побудит их к этому. В спектакле Пушкин предстает именно живым человеком, а любой живой человек возбуждает сострадание и сопереживание. В этом, как мне кажется, и состоит главное достоинство нашего спектакля: увидев живого Пушкина, человек загорается его страстью. А загоревшись его страстью, он начинает читать. В Кишиневе мне вспомнились слова Липранди о том, как Пушкин с животностью и с охотой включался в картонную игру и кутежи, не имея особой охоты ни к тому, ни к другому. Постоянный, живой интерес ко всему. Таким он мне видится - как вспышка магния, как ртуть. Меланхолия, конечно, тоже была у него, но, как мне представляется, в сжатом виде, в нескольких секундах. Невозможно было показать всю его жизнь. Отец ввел в пьесу лишь некоторые, наиболее важные и эмоциональные события его жизни, вплоть до дуэли.

И, что еще очень важно и что было

главным для отца - Пушкин говорит исключительно своими словами. Любая его фраза - это то, что появлялось из-под пушкинского пера. Из писем и произведений. Единственно, что не все фразы привязывались к определенным событиям. Иногда какие-то слова, которые появились позже, в пьесе «играют» в связи с немного другими событиями. Но за Пушкина ничего не придумано. Что-то, конечно, домыслено, к примеру, у Нащокина или у Николая, но только не у Пушкина. Фраза «Голова моя в вашей власти, но я сказал вам правду» взята из «Капитанской дочки». В спектакле, например, показано, как рождаются сюжеты его бесмертных произведений. Как рождается сюжет «Пиковой дамы» или, допустим, как Пушкин разыгрывает Хлестакова перед шулерами. Разыгрывает то, что потом будет у Гоголя в «Ревизоре». Знаете, я частый гость в музее Пушкина на Мойке, так вот, хранительница Галина Михайловна Седова, когда я ей рассказывал о спектакле, сказала, что сделано главное: пойманы настроение и душа Пушкина. Все остальное менее важно, потому что жанр этого спектакля, этой пьесы - не историко-биографическая, а романтическая драма. А здесь важна душа, настроение, фантазия. Ведь Пушкин был потрясая обаятельным человеком. И при некрассивой внешности был потрясая красивым. Невлюбиться в него было просто невозможно. А в какие-то моменты ярости, может быть, цинизма, или, точнее, сарказма, проскальзывающего, к примеру, в эпиграммах, он был страшен. Но все равно красив. Знаете, моя жена, столько раз смотревшая спектакль, говорит: «Ты поразительно можешь быть в образе Пушкина как красивым, так и, как, например, в сцене злословия на балу,

ужасными и даже страшным внешне».

- А вам не кажется, что после такой роли вашу жизнь можно разделить на до и после этой работы? Ведь роль Пушкина будет отбрасывать отблеск на все.

- Знаете, я для спектакля изменился внешне. Сбросил вес, чтобы быть легким, - это было необходимо для спектакля. Пушкин научил меня больше любить жизнь во всех ее проявлениях. Любить, в том числе и своих врагов.

- А вы смогли бы сегодня, после Пушкина, снова сыграть Есенина?

- Конечно! Моя любовь к Есенину безгранична. Ведь Есенин мечтал походить на Пушкина. «О, Александр ты был повеса...» Я ведь играл и Моцарта, и во всех этих людях, которых разделяет столько лет, есть много общего. По темпераменту, по обаянию. У них присутствует какая-то жилка Моцарта. Конечно, Пушкин - это наше все, но когда что-то обобщаешь, то невозможно это потрогать, ощутить. А к Пушкину надо прикоснуться. Ведь для нашего народа всегда было необходимо сознание живого кумира. Оживляя Пушкина, мы еще раз помогаем нравственному стержню нашего общества. Ведь Пушкин - это стержень нашей культуры. Это символ чести и благородства. А это сегодня более чем необходимо нашему обществу. Вот каким должен быть герой нашего времени, вот каким должен быть кумир.

- Заканчивая нашу беседу, хотел бы спросить еще об одном. У вас такие роли - Есенин, Пушкин, Моцарт. Нет ли планов сыграть еще кого-нибудь из подобного ряда?

- Нет, я вовсе не хотел бы стать под знамена тех актеров, которые стремятся и любят играть только знаменитых людей. Мне интересна любая роль. Та, которая что-то дает душе, а значит, и зрителям. Это то искреннее русское, православное, что мне нравится делать, что я люблю. И я не собираюсь тиражировать исключительно образы великих людей. Может быть, я еще кого-то сыграю из известных. К примеру, если мне предложат роль Наполеона, мне это было бы сложно, но интересно. Все-таки он был француз, хотя наши культуры и очень близки. Безусловно, у меня существует коллекция ролей для души, но я не хотел бы превращаться в антиквара, сдувающего пыль со своих реликвий. Я буду каждую роль играть, выкладываясь и сжигая себя. Это опасно, потому что роли требуют самосожжения, но иного пути нет. Я не просто играю гения, это требует огромной затраты душевных сил. Но есть и награда. Когда после спектакля к отцу подходят учительницы и говорят: «Спасибо. Наши ученики взяли в библиотеке Пушкина» - это дорогого стоит. Вот тогда я счастлив. Потому что эта роль не только для меня. Для зрителей. И если после спектакля люди возьмут в руки серьезную книгу, а не желтую прессу и комиксы - это будет моя победа. И, знаете, во имя этого так приятно сжигать себя и отдавать все силы без остатка! Я актер, я обязан это делать. И я очень рад, что у людей после спектакля пробуждаются эмоции, потому что эмоции продлевают жизнь. А ради этого стоит так работать. Для людей. Сейчас у нас слишком мало осталось альтруизма в жизни. Слишком мало сегодня людей, которые не рассуждают: «Я им то, а они мне - это». Иногда надо просто отдавать, просто подарить другим, и ничего не требовать взамен. Свои эмоции на сцене, свою часть души я дарю зрителям. И в этом я понимаю православную идею. И в этом - прелесть, в этом - подлинная красота.

Беседовал Виктор ЛЕОНИДОВ.